

Научная статья
УДК 94 (574) «1930/1940»
doi: 10.17223/15617793/482/15

Практики государственного управления в изобразительном искусстве 1930-х гг. (на примере Казахской национальной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко)

Евгения Юрьевна Рахматулина¹

¹ Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник,
Усть-Каменогорск, Казахстан, kalina200778@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности государственного управления в сфере профессионального изобразительного искусства 1930-х гг. на примере Казахской национальной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко (Алма-Ата). Посредством анализа институциональных, нормативно-документальных, коммуникативных и культурных элементов процесса управления автор приходит к выводу о двойственности его содержания. Модернизационный в своей основе процесс государственного управления эпохи сталинизма сопровождался жесткими командно-административными методами.

Ключевые слова: изобразительное искусство, система управления, Казахская ССР, Всесоюзный комитет по делам искусств, Управление по делам искусств, Казахская национальная художественная галерея им. Т.Г. Шевченко

Для цитирования: Рахматулина Е.Ю. Практики государственного управления в изобразительном искусстве 1930-х гг. (на примере Казахской национальной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 149–156. doi: 10.17223/15617793/482/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/15

Public administration practices in the visual arts of the 1930s (on the example of the Taras Shevchenko Kazakh National Art Gallery)

Evgenia Yu. Rahmatulina¹

¹ East Kazakhstan Regional Architectural, Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, kalina200778@mail.ru

Abstract. The present work aims to identify the features of public administration, their real practices in the field of visual arts on the example of the Kazakh State Art Gallery named after T.G. Shevchenko in the second half of the 1930s and to make adjustments to the existing historiographical gap. As a source base, office documents deposited in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK) in Fund 1792, Kazakh State Art Gallery named after T.G. Shevchenko, and Fund 1736, Organizing Committee of the Union of Soviet Artists of the Kazakh SSR, were mainly used. Orders, resolutions, instructions, information letters dated 1937–1939, emanating from the Department of Arts Affairs under the SNK of the Kazakh SSR and the All-Union Committee for Arts Affairs under the SNK of the USSR were analyzed. Archival sources made it possible to identify the range of issues supervised by the departments, to determine the degree of integration of the cultural institution into the all-Union museum system, to highlight the situation regarding the replenishment of museum funds and the personnel issue. The methodological basis was the theory of modernization. A systematic approach was used to implement the research objectives. The study shows that, due to the historically prevailing conditions, professional visual arts did not receive a proper development on the territory of the Central Asian ethnoregion. The peripheral position of art, which persisted for quite a long time after the revolution, began to change by the mid-1930s with the coming to power of L.I. Mirzoyan (1897–1939), the first secretary of the Kazkraikom of the CPSU (b). During this period, the process of the all-Union restructuring of the management system in the field of culture coincided with the formation of the republican artistic infrastructure. The Kazakh National Art Gallery in Alma-Ata was made the profile center responsible for the presentation and popularization of visual arts in the republic. In general, public administration in the field of visual arts was implemented in line with the development of the state program of assistance to national suburbs through the formation and development of regional art infrastructure, accelerated growth of the museum art fund, with a parallel strengthening of integration into the all-Union socio-cultural space. At the same time, the analysis of the main elements of management testifies to their belonging to the administrative and command management system, with the inherent cumbersome-ness of the bureaucratic apparatus, adherence to the principles of personnel appointments, and not electability, the presence of power centralization, which left minimal opportunities for the manifestation of initiative on the ground.

Keywords: fine arts, management practices, Kazakh SSR, All-Union Committee for the Arts, Department for the Arts, T.G. Shevchenko Kazakh National Art Gallery

For citation: Rahmatulina, E.Yu. (2022) Public administration practices in the visual arts of the 1930s (on the example of the Taras Shevchenko Kazakh National Art Gallery). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 149–156. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/15

В современной российской исторической литературе достаточно многоаспектно представлены процессы общего культурного развития СССР эпохи сталинизма, его институциональные, управленческие, культурологические особенности. О стойком исследовательском интересе свидетельствует обилие публикаций, появившихся за последнее время. Тематика раскрывается как в монографиях, разработанных на обширном историческом материале в трудах И.Н. Голомштока [1], Е.С. Громова [2], В.С. Манина [3], Г.А. Янковской [4], так и в многочисленных специализированных статьях историков, философов и историков искусства. Ученые стремятся выйти за жесткие рамки однозначных оценок советского прошлого, найти точки соприкосновения и объективно представить содержание художественного процесса. В тоже время анализ работ казахстанских историков показывает серьезный недостаток исследований, характеризующих развитие культурного процесса на региональном уровне. Об этом говорит сравнительно небольшое число трудов обобщающего характера и выбор исследовательских приоритетов, нацеленных преимущественно на изучение проблем идеологии культурной политики СССР, репрессий в отношении деятелей науки и культуры, а также проблем советской культурной ассимиляции. Данный императив прослеживается в трудах ученых республики, посвященных культурным процессам периода, в частности в работах А.М. Турлыбековой [5], А.К. Жумадила [6]. Ясно, что при данном подходе вне предметного исследовательского поля остаются различные аспекты культурной политики советского государства в центральноазиатском регионе, в их числе проблемы становления художественной инфраструктуры, механизмов ее управления, взаимоотношений между властными центрами, а также различные сюжеты социальной истории, что в значительной мере мешает установлению объективной картины процессов, имевших место в республике. Между тем значение – середины и второй половины 1930-х гг. для развития социокультурного пространства Казахстана колоссально, поскольку в этот период были заложены основы республиканской художественной инфраструктуры, ее организации и методов управления, определены векторы развития профессионального творческого социума. Публикация ставит целью внести коррективы в имеющийся историографический пробел, выявить особенности государственного управления в сфере изобразительного искусства и их практической реализации на примере Казахской государственной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко второй половины 1930-х гг.

Статья подготовлена на основе широкого круга источников. Привлечены также делопроизводствен-

ные документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Для исследования большую значимость приобрели Ф. 1792 «Казахской государственной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко» и Ф. 1736 «Оргкомитета Союза советских художников Казахской ССР», где представлены основные законодательные и нормативно-правовые документы, в том числе исходящие из Всесоюзного комитета по делам искусств СССР и Управления по делам искусств при СНК КазССР. Большей частью – это приказы, постановления, инструкции, информационные письма, датируемые 1937–1939 гг. Архивные источники позволили выявить круг вопросов, курируемых ведомствами, определить степень интеграции учреждения культуры в общесоюзную музейную систему, осветить ситуацию по кадровому вопросу, выявить значение и особенности формирования сети художественных советов в области изобразительного искусства. В совокупности делопроизводственные источники позволили провести комплексный анализ практики управления учреждением культуры исследуемого региона и оценить ее специфику.

Методологической основой выступила теория модернизации, позволяющая рассматривать практику государственного управления Казахской национальной художественной галереей как один из путей преобразования Советским государством социально-культурного пространства Казахстана. Для реализации задач исследования применялся системный подход, нацеленный на изучение практик государственного управления посредством анализа основных управленческих элементов (подсистем): институциональной, нормативно-документальной, коммуникативной и культурной, также автором были применены историко-генетический, историко-сравнительный методы.

Известно, что в 1930-е гг. в Советском Союзе проходили сложные процессы институализации, заложившие основы системы управления в области культуры и искусства. Центральным органом, осуществлявшим руководство всеми видами искусств, с января 1936 г. вместо Наркомпроса Постановление Правительства СССР определило Всесоюзный Комитет по делам искусств (далее – ВКИ, Всесоюзный комитет) [7]. В Казахской ССР функции руководства возлагались на Управление по делам искусств (далее – Управление), действовавшее при СНК Казахской ССР. К январю 1937 г. в республиканскую систему Управления по делам искусств входили учреждения, предприятия и учебные заведения, в том числе 24 театра, две музыкальные школы, Казахская государственная филармония, цирк, трест «Казкино», музыкальное драматическое училище, а также Казах-

ская национальная художественная галерея, образованная в 1935 г. В ведении Управления также находилась работа республиканских творческих организаций – Союза художников и Союза архитекторов, кооператива художников в Алма-Ате [8. Л. 1]. Таким образом, во второй половине 1930-х гг. процесс общесоюзной перестройки системы управления в сфере культуры совпал с формированием республиканской художественной инфраструктуры. Формирование новой системы управления в области искусства осуществлялось быстрыми темпами при подключении региональных и центральных органов власти. Профильным центром, ответственным за презентацию и популяризацию изобразительного искусства в республике, назначалась Казахская национальная художественная галерея в г. Алма-Ате.

Образование нового центра искусства вызвало к жизни большой круг вопросов к уровню развития художественной инфраструктуры региона. Пример европейской части России показывает, что здесь уже с XVIII в. и далее на протяжении XIX в. были сформированы и успешно действовали различные художественные институты, включавшие Императорскую академию художеств, художественные и промышленные училища, музеи искусств, были налажены творческие, хозяйственные связи между объектами деятельности, имел место институт патронажа. После революции данные институты были либо упразднены, либо трансформированы в соответствии с новыми руководящими принципами, однако остались музейные коллекции, профильная инфраструктура и сформированный слой творческой интеллигенции. Напротив, на территории центральноазиатского этнорегиона, ввиду слабого включения его населения в социокультурное и экономическое пространство России имперского периода, наблюдалось заметное отставание в области профессионального изобразительного искусства, отсутствовал опыт деятельности такого рода институтов и их государственного управления. Периферийное положение местного изобразительного искусства, довольно долго сохранявшееся и после революции, стало меняться с середины 1930-х гг., с назначением Л.И. Мирзояна (1897–1939) первым секретарем Казкрайкома ВКП (б) и Т.К. Жургенева (1898–1938) на должность наркома просвещения КазАССР. Вместе с тем период институализации художественной галереи выявил объективную неподготовленность внутренних условий. Во-первых, в республике имел место серьезный кадровый дефицит профильных специалистов: художников, искусствоведов, научных сотрудников, например, в Алма-Ате в середине 1930-х гг. на учете Оргбюро Союза художников насчитывалось лишь 12 живописцев, штат галереи не был укомплектован полностью и первоначально состоял из 13 человек [9. С. 253]. Во-вторых, в столице отсутствовала необходимая материально-техническая база под выставочную галерею. Известно, что в первые годы существования галерея занимала приспособленное помещение городского дома культуры, в связи с чем не исполнялись полноценные музейные функции. 5 декабря 1937 г. с открытия Все-

казахстанской выставки живописи, графики, скульптуры, посвященной 20-летию Октябрьской революции, началась выставочная работа галереи [9. С. 252].

Помимо нехватки специалистов среднего звена, выявился недостаток в грамотных управленцах, отвечавших определенным стандартам руководителя. При назначении кандидата на пост директора властям требовалось принимать во внимание не только профессиональные и личные качества претендентов, но и напряженную внутривластную обстановку периода, сопровождавшуюся кадровыми «чистками» в номенклатурных кругах. Учитывая сложность задачи, отметим, что проблема не была решена весь довоенный период, в музее проявилась затяжная кадровая «чехарда». Эта же ситуация наблюдалась в другой творческой организации – Оргкомитете Союза художников республики, где за короткий годовой период 1937–1938 гг. сменилось 9 председателей Оргкомитета [10]. Что касается художественной галереи, то занимавший первые два года пост директора галереи М.М. Джанкин (1893–1938) в сентябре 1937 г. был уволен, подвергнут аресту [11]. На его место был назначен известный алма-атинский архитектор М.Б. Левинсон (?), пробывший в должности директора всего месяц до 1 ноября 1937 г. Далее в конце 1937 – начале 1938 г. пост первого руководителя галереи на короткое время занимали различные музейные специалисты, в том числе из числа старших научных сотрудников. Должность временно исполняющего директора в январе–феврале 1938 г. получил выдающийся украинский историк искусства Ф.Л. Эрнст (1891–1942). В 1933 г. ученый был репрессирован и находился в лагере, где руководил Музеем строительства канала «Москва–Волга» в городе Дмитрове. Несмотря на факт политической неблагонадежности, кандидатура Ф.Л. Эрнста для работы в Алма-Ате была поддержана и рекомендована директором Третьяковской галереи и начальником отдела изобразительного искусства при СНК СССР З.А. Эдельсоном (1896–1937). С 1 августа 1937 г. Ф. Л. Эрнст был принят в штат с окладом 600 рублей [8. Л. 21]. Работал научным сотрудником и врио директора, позднее переехал в Уфу. С 1938 по 1941 г. галереей руководил профессиональный художник-живописец, член ВКП(б) Ф.И. Болкоев (1886–1965), за плечами которого к моменту назначения имелись живописные произведения монументального характера и опыт руководства Оргкомитетом Союза художников КазССР.

В целом, проблема республиканских управленческих кадров требовала ее форсированного решения на государственном уровне. Задачи, бывшие актуальными в 1920-е гг., были решены за счет массового привлечения управленцев из числа коренного населения в рамках так называемого процесса «коренизации». При этом уровень назначенных руководителей, государственных и партийных работников был крайне неоднородный. Как отмечает исследователь Д. Аманжолова, имелись «рекруты» из народа как с минимальным опытом практической работы, недостаточным образованием, с низкой управленческой культурой [12. С. 71], так и одаренные практики. Во второй половине

1930-х гг. сформировался уже более высокий уровень руководства, ответственности и практической подготовки. К числу таких управленцев новой формации, безусловно, относился Т.К. Жургенев. В тоже время пример художественной галереи показал несколько иную картину: после отставки директора М. Джанкина власти решали кадровый вопрос не в русле реализации политики «коренизации», привлекая местных управленцев, а отдавали предпочтение профессионалам из некоренного населения.

Анализ структуры и функционала в системе «художественная галерея – объект» и «Всесоюзный комитет по делам искусств, республиканское Управление – субъекты управления» свидетельствует о ее подчиненности принципам властной вертикали. Самый широкий круг организационных и музейно-практических вопросов был непосредственно подотчетен Всесоюзному комитету по делам искусств и его курирующему подразделению в лице Управления учреждений изобразительных искусств, состоящему из профильных секторов (музейного, планово-финансового секторов, распределительной, государственной закупочной комиссии, государственной комиссии по закупкам произведений изобразительного искусства с выставок и др.) [13. С. 150]. Всесоюзный комитет, имевший права объединенного наркомата и союзно-республиканского органа, фактически выступал доминирующим управленческим центром в области искусства республики [13. С. 146]. В Москву стекалась вся отчетно-плановая документация, отсюда исходили основные управленческие импульсы. Директивные документы, поступающие из центра, выражались в форме приказов, постановлений, инструкций и циркуляров различного характера. Положение о Всесоюзном комитете от 25 сентября 1939 г. закрепляло за ним организацию художественных выставок, конкурсов, олимпиад, смотров по различным областям искусства, осуществление государственного контроля над произведениями живописи и скульптуры, регулирование цен на входные билеты, учет и распределение кадров и т.д. [14. С. 5–6]. Применительно к художественной сфере в ведении республиканского Управления по делам искусств (далее Управление) находился более суженный спектр деятельности: организация выставок, конкурсов, приобретение новых произведений для пополнения государственного художественного фонда [15. Л. 305]. Параллельно с основными задачами Управление занималось решением частных вопросов (например, согласование отпуска первого руководителя, курирование работы Художественного совета и др.). В сферу компетенции Управления была заложена также подготовка отчетной документации по основным направлениям деятельности, предназначенной для направления в плановый отдел Комитета по делам искусств при СНК (ВКИ). В ежемесячных отчетах, исходящих из республики, освещалась информация по вопросам самодеятельного и профессионального искусства, работа музеев и выставок и др. В 1937 г. на особом контроле ВКИ было проведение работ по подготовке к 20-летию Октябрьской революции, выполнение специальных заданий от Всесоюзного комитета, а также работа по кадрам.

В рамках действующей структуры директор галереи обладал еще меньшей возможностью для проявления инициативы, по существу, выступая в качестве образцового исполнителя циркуляров, поступающих из вышестоящих организаций. В тоже время кадровый хаотизм, нарастающий массив требований руководства к должности директора, поддерживаемых профильным ведомством, выступали факторами косвенного управления. В сложившихся условиях руководителю галереи требовалось обладать серьезным опытом и навыками тонкого дипломата, чтобы укрепить свое положение во властной вертикали и наладить связи на горизонтальном уровне. Поскольку должностные обязанности нацеливали его на формирование устойчивых коммуникаций в художественной среде, профессиональной средой общения директора выступали художники, руководители профильных организаций, в том числе творческих союзов, художественных кооперативов, Казиздата, представителей центральных учреждений: Изогиз, Всекохудожник и др. Значительную часть рабочего времени занимали беседы, встречи, совещания, а также многочисленные согласования с Управлением. Дополнительную нагрузку в рабочий процесс привносил фактор властной соподчиненности, так как документы, поступавшие в галерею из республиканского Управления, зачастую могли противоречить директивам Всесоюзного комитета. Критическая доля таких противоречий в общем документообороте побудила Комитет по делам искусств принять меры и издать приказ № 82 от 19 февраля 1941 г. «Об усилении контроля за деятельностью местных управлений», поэтому копии всех приказов руководителей направлялись в день их издания в Комитет по делам искусств [16. С. 110]. В целом, несмотря на предельную регламентацию и разделение функционала в системе союзного управления, проявлялись недоработки различного характера, обнаруживались «слепые зоны» ответственности между властными центрами, что в итоге снижало эффективность управления на местах.

Отдельно необходимо отметить общее положение, сложившееся в отрасли музейного строительства изучаемого периода. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. были приняты основополагающие законодательные акты в виде постановлений ВЦИК «О музейном строительстве в РСФСР» 1928 г. и «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР» 1934 г. Документы подчеркивали значение музеев для страны, показывали меры и задачи для улучшения их положения. Постановление 1934 г. нацеливало также на упорядочивание организационной структуры музея с целью улучшения его финансовых, интеллектуальных, человеческих ресурсов [17. С. 228]. Отметим, что постановление 1934 г. не утратило юридической силы для художественной галереи им. Т.Г. Шевченко в год своего образования, так как вплоть до 1936 г. республика еще входила в состав РСФСР на правах автономии.

Знаковое событие для музейных работников страны произошло в декабре 1930 г., когда в Москве состоялся Первый Всероссийский музейный съезд, на котором присутствовало 325 делегатов, в том числе

музейные директора, сотрудники академических вузов и крупные государственные деятели. Основным содержанием работы съезда стали вопросы нового социалистического строительства и активного участия музеев в политико-просветительской работе, ведения учетной документации, также обсуждались общеметодологические проблемы построения экспозиций, планирование работы и др. Как отмечают специалисты, принятые решения съезда «соответствовали своему времени и позиции, сформулированной в приветствии съезду наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова (1884–1938), призывавшего отказаться от «музеев-кунсткамер», поставить музеи на службу социалистическому строительству и превратить в инструмент культурной революции» [18. С. 82]. Решения съезда включали ряд аспектов, в том числе установку марксистского подхода ко всей работе, меры по усилению массово-идеологической работы, ведение планирования в рамках 5-летних планов и были обязательны для исполнения. Экспозиция художественного музея, по решению съезда, должна быть построена на основе диалектического материализма, художественный материал должен быть истолкован в марксистско-ленинском классовом освещении [19. С. 127]. Данные императивы музейной деятельности были приняты к исполнению всем музейным сообществом Советского Союза и нашли свое полное отражение в работе художественной галереи Алма-Аты.

Во второй половине 1930-х гг. в республиканских учреждениях художественного профиля начала складываться новая институция – Художественный совет (далее – Худсовет). Как один из эффективных официальных инструментов контроля в системе управления за творческим процессом Худсовет был принят на вооружение еще в годы раннего СССР, в эпоху Наркомпроса, когда его функции были реализованы в академических театрах, филармониях и других организациях культуры. Постепенно новый институт стал закрепляться на местах, в периферийных учреждениях. 30 декабря 1937 г. в Казахской национальной художественной галерее был основан музейный Худсовет. Основной его целью стало проведение экспертизы и оценки предметов искусства, необходимых для качественного пополнения фондов. Худсовет вводился на постоянной основе как научно-консультативный орган при директоре. Состав совета определился из 9 человек, включал директора, научных сотрудников галереи, а также привлеченных со стороны представителей творческих союзов (художников, писателей и архитекторов), чиновника из управления по делам искусств и двух профессиональных алма-атинских художников. Позднее, 21 ноября 1938 г., на базе другой организации – Оргбюро Союза художников республики был организован свой Худсовет. Целью создания являлось «осуществление решений правительства и партии в деле развития социалистического реализма в изобразительном искусстве и осуществления задач по борьбе за лучшие художественные произведения», на членов совета была возложена обязанность «всячески бороться с проникновением в среду художников чуждых изобразительному искусству течений

недоступных широким массам, как с вредительским наследством прошлого...» [20. Л. 454]. Фактически Худсовет при Оргбюро осуществлял контроль за работами всех художников Алма-Аты, имел право забраковывать любую художественную продукцию как массового ширпотреба, так и творческую. Спрос на проведение экспертизы был достаточно высоким, при этом одни и те же сотрудники могли быть членами как Худсовета галереи, так и Оргбюро. В процессе выявилось дублирование и параллелизм в работе двух Худсоветов, что признавалось самими современниками [20. Л. 384]. По оценке историка Г.А. Янковской, такое негативное явление, как функциональный параллелизм, асимметрия властных полномочий, в целом были присущи многим профессиональным институциям советских художников 1930-х гг. [4. С. 65]. Завершающий этап формирования сети художественных советов республики пришелся на апрель 1940 г., когда был организован Худсовет как особый совещательный орган при начальнике управления по делам искусств, состоящий из трех секций: а) театра и драматургии, б) музыки, в) изобразительного искусства. В секцию по изобразительному искусству были приглашены видные художники республики А. Кастеев (1904–1973), А.И. Ненашев (1903–1967), В.М. Колоденко (1907–1980), А.И. Бортников (1909–1980) [21. Л. 8].

Изучение архивных материалов показало, что важными направлениями управленческой практики изучаемого периода выступали регламентация и контроль, прежде всего, за деятельностью, связанной с областью учета и хранения музейных коллекций. Пристальное внимание государственного органа к данной области, постоянное расширение круга директивных документов было обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, в середине и второй половине 1930-х происходит процесс включения национальной художественной галереи в общегосударственную сеть СССР и начало формирования ее энциклопедической коллекции. Процесс осуществлялся через перераспределение, фактически изъятие части фондов так называемого запаса «Б», состоящего из дублетных и копийных работ. «Донорами» произведений искусства выступали центральные художественные музеи страны (кроме Эрмитажа) – Государственный русский музей, Государственная Третьяковская галерея и др. В результате чего, по сведениям экспертов, только в июне 1935 г. из Государственной Третьяковской галереи поступило в алма-атинскую галерею 87 произведений русской живописи и графики XVIII–XIX вв. Среди них работы признанных мастеров живописи: Д.Г. Левицкого (1735–1822), В.Л. Боровиковского (1757–1825), В.А. Тропинина (1776–1857), С.Ф. Щедрина (1791–1830) и других корифеев. На следующий год музей Восточных культур прислал в Алма-Ату 302 предмета народного творчества стран Востока, Государственный музей им. А.С. Пушкина также передал в 1936 г. 98 произведений живописи и графики художников фламандской, немецкой, французской, итальянской школ [22. С. 116]. В 1938 г. в библиотеку галереи поступили из Музея изобразительных искусств

ств им. А.С. Пушкина 44 экземпляра книг, преимущественно литература на немецком языке, по искусству, по фарфору, истории искусства, 29 книг по вопросам искусства из Третьяковской галереи, 11 книг из Музея западной живописи, 26 книг из Третьяковской галереи [23. Л. 7 об.]. К 1941 г. общий фонд галереи достиг 1851 ед. [9. С. 253]. Отметим, что акции по перераспределению фондов в указанный период носили широкий, системный характер, в общую распределительную систему были включены помимо музеев союзных республик и провинциальные российские музеи. Одна из наиболее масштабных акций прошла в 1937 г. и была приурочена к празднованию 20-летия Октябрьской революции [8. Л. 2]. Ясно, что такие перераспределения не учитывали интересов центральных музеев и были для них крайне болезненны.

Во-вторых, на Всесоюзном уровне долго не были проработаны нормативные документы по контролю над музейными собраниями. Специальный документ – «Инструкции по учету, инвентаризации и хранению музейных материалов» был разработан Институтом музейно-краеведческой работы довольно поздно, лишь в 1938 г., предназначался для музейных коллекций РСФСР.

В-третьих, поддерживающим регламентацию фактором являлась заметная слабость республиканского методического центра и нормативно-правовой базы по музейной работе, вследствие чего широкое распространение получает кураторство и методическая работа ВКИ. Музейным сектором ВКИ для работы организаций высылались апробированные инструкции, правила, рекомендации, а также шаблоны договоров, внутренних актов и др. Например, основные правила консервации картин, на основе которых действовали сотрудники алма-атинской галереи в довоенный период, были разработаны научными сотрудниками реставрационного отдела Государственной Третьяковской галереи. Правила включали подробные рекомендации специалистов по температурным, влажностным условиям хранения картин, их транспортировки на большие расстояния и развески [8. Л. 4].

На контроле музейного сектора находилась также реставрация произведений искусства. Для недопущения порчи предметов искусства вводились инструкции, категорически запрещавшие при отсутствии высококвалифицированных специалистов проводить реставрацию особо значимых произведений. К исполнению привлекались лишь специалисты ведущих музеев, для чего централизованно составлялись годовые планы работы, утверждаемые музейным сектором в масштабах всего Советского Союза. Реставрацию менее ценных художественных произведений разрешалось проводить при наличии специалистов и под личную ответственность руководителя музея [8. Л. 10]. Всесоюзный комитет регламентировал и обмен музейными экспонатами. По приказу Комитета по делам искусств № 88 от 11 марта 1937 г. каждый отдельный случай нуждался в персональном контроле руководящих органов, а обмен экспонатами между музеями системы ВКИ мог быть произведен только при личном разрешении руководителя Управления

учреждений изобразительных искусств [8. Л. 19–20]. Если случай обмена касался иностранного музея, то требовалось личное разрешение председателя Всесоюзного комитета. В то же время, несмотря на многочисленные регламентации и инструкции, в работе ряда региональных музеев страны имелись факты их нарушений. В этом отношении обращает на себя внимание циркуляр Комитета по делам искусств от 23 мая 1938 г., категорически запрещающий передачу экспонатов из музеев по распоряжениям местных руководителей управлений по делам искусств для развески в кабинетах, для украшения кинотеатров, домов культуры и т.д. [8. Л. 10]. Принятый документ способствовал делу сохранения музейных экспонатов и сокращению фактов управленческого волонтаризма на местах.

Безусловно, комплекс практических взаимоотношений в управленческой системе не ограничивался лишь контролем основ музейной деятельности, использование ресурсов бюрократического аппарата, этой «мега-машины», позволяло проводить культурные проекты в рамках всего СССР, впечатляющие по своим масштабам и затратам ресурсов. В ряду значительных мероприятий по изобразительному искусству выделим выставочный проект. В целях расширения работы по пропаганде изобразительного искусства центральными художественными музеями страны Всесоюзный комитет по делам искусств издал приказ № 188 от 8 мая 1937 г. об обеспечении передвижных выставок из фондов центральных музеев в различные уголки СССР: Донбасс, Кузбасс, Урало-Сибирский регион и республики советской Центральной Азии. Пункт 4 приказа обязывал Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина комплектовать выставку по западноевропейскому искусству и обеспечить ее продвижение по республикам Центральной Азии [8. Л. 8]. В связи с чем Алма-Ата с 5 января по 6 февраля 1938 г. приняла выставочную эстафету, организованную ВКИ и музеем им. А.С. Пушкина к 20-летию Октябрьской революции. В экспозиции было представлено 60 живописных полотен, 63 гравюры, 26 репродукций [24. Л. 9]. В Алма-Ате произведения искусства принимал врио директора Казахской национальной художественной галереи Ф.Л. Эрнст. Встреча с подлинниками западноевропейского искусства стала событием огромного культурно-политического значения для Казахстана. Выставка воспринималась местным населением как нечто особенное, получила много восторженных откликов, экспозицию посмотрели более 9 тысяч человек, было проведено более 120 организованных экскурсий и консультаций. Экскурсии проводились бесплатно. В художественной галерее Алма-Аты побывали самые широкие группы населения: рабочие, артисты оперы и балета, допризывники, работники горного и медицинского вузов, командиры Красной Армии [24. Л. 2]. Маршрут передвижной выставки пролегал по городам Москва–Ташкент–Алма-Ата–Фрунзе. 15 февраля выставка должна была открыться в Ашхабаде. В организационном плане продвижение выставки по региону стало возможным благодаря прямому «ручному» управле-

нию Всесоюзного комитета, поскольку до 1940 г. в Советском Союзе не существовало дирекции художественных выставок и панорам с профильным отделом передвижных выставок.

Таким образом, государственное управление в изобразительном искусстве 1930-х гг. являлось важной составляющей общей культурной политики СССР. По своим основополагающим принципам оно реализовывалось в русле государственной программы помощи национальным окраинам через становление и развитие региональной художественной инфраструктуры, форсированный рост музейного художественного фонда, с параллельным усилением интеграции в общесоюзное социокультурное пространство. Данные аспекты управления отраслью профессионального изобразительного искусства Казахской ССР отмечаются историками и искусствоведами как, безусловно, позитивные явления. В среде творческой элиты республики 1930-х гг. позитивные управленческие процессы, вызывавшие надежды на «подъем национальной культуры, возрождение духовного здоровья, сил и

таланта», в персональном плане были связаны с именем первого секретаря Казкрайкома ВКП(б) Л.М. Мирзояна [25. С. 274]. Модернизационные в основе своей процессы были осуществлены в короткие сроки с привлечением как региональных, так и центральных властей, обеспечивавших выделение необходимых ресурсов и их нормативно-правовое сопровождение.

В то же время анализ основных элементов и механизмов управленческой системы визуальных искусств периода сталинизма свидетельствует об их принадлежности административно-командной системе управления, с присущими для нее громоздкостью бюрократического аппарата, приверженностью принципам кадровых назначений, а не выборности, наличием властной централизации, оставлявшей минимум возможности для проявления инициативы на местах. Негативную лепту внесли и кадровые чистки 1930-х гг., коснувшиеся как партийных функционеров, так и управленцев профильных художественных организаций.

Список источников

1. Голмшток И.Н. Тоталитарное искусство. М. : Галарт, 1994. 296 с.
2. Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М. : Эксмо, 2003. 544 с.
3. Манин В.С. Искусство и власть: борьба течений в советском изобразительном искусстве 1917–1941 годов. СПб. : Аврора, 2008. 384 с.
4. Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь : Перм. гос. ун-т., 2007. 312 с.
5. Турлыбекова А.М. Искусство Казахстана в 20–80-е гг. XX века: истоки и тенденции развития. Павлодар : Инновационный вуз, 2014. 180 с.
6. Жумадилов А.К. Культурные процессы в Казахстане в 20–30-е годы XX века : учеб. пособие. Алматы : Казахский университет, 2019. 188 с.
7. Постановление ЦИК и СНК СССР. Об образовании Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР от 17 января 1936 г. // Проект «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/node/43496> (дата обращения: 02.07.2022).
8. Центральный государственный архив республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1792. Оп. 1. Д. 17.
9. Сарлыбаева Г.Н. Молчат ли музы, когда пушки говорят? Первый в Казахстане музей искусств в годы Великой Отечественной войны // История. Память. Люди : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. 27 сентября 2018 г. Алматы, 2019. С. 252–259.
10. Союз художников Республики Казахстан // Зал славы Казахстана. URL: <http://zs.808.kz/?p=4478> (дата обращения: 04.08.2022).
11. Джанкин Мухамедьяр Муртазиневич (1893–1938) // Открытый список. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 04.07.2022).
12. Аманжолова Д.А. Проблемы формирования советской этнобюрократии в 1920-е гг. // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. Омск : Полиграфический центр КАН, 2016. С. 63–73.
13. Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 312 с.
14. Положение о Комитете по делам искусств при СНК СССР // Справочник руководящих материалов Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР. М. ; Л. : Искусство, 1941. С. 5–12.
15. ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 5. Д. 113.
16. О систематическом наблюдении за деятельностью местных учреждений искусств. Приказ Комитета по делам искусств при СНК СССР № 82 от 19 февраля 1941 г. // Справочник руководящих материалов Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР. М. ; Л. : Искусство, 1941. С. 110.
17. Кроуфорд М.Д. Законодательные акты советского государства как источник изучения музейного менеджмента // Вестник Томского университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 226–233.
18. Музейное дело России / под ред. М.Е. Каулен (отв. ред.), И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М. : Изд-во «ВК», 2003. 614 с.
19. Принципы экспозиции в художественных музеях // Труды Первого Всероссийского музейного съезда / под ред. И.К. Луппола. М. ; Л. : Наркомпрос РСФСР, 1931. С. 126–130.
20. ЦГА РК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 14.
21. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 40.
22. Школьная И.А. К истории формирования музейного фонда (Основные формы комплектования коллекции ГМИИ РК им. А. Кастеева и источники поступлений по архивным документам отдела фондов 1935–2009) // Труды ГМИ РК им. А. Кастеева : сб. науч. ст. Алматы, 2011. Т. 1. С. 115–132.
23. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 33.
24. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 28.
25. Брусиловский Е.Г. О роли Мирзояна в развитии культуры Казахстана // Левон Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938). Алматы : Казахстан, 2001. С. 272–276.

References

1. Golmshtok, I.N. (1994) *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art]. Moscow: Galart.
2. Gromov, E.S. (2003) *Stalin: vlast' i iskusstvo* [Stalin: power and art]. Moscow: Eksmo.
3. Manin, V.S. (2008) *Iskusstvo i vlast': bor'ba techeniy v sovetskom izobrazitel'nom iskusstve 1917–1941 godov* [Art and power: the struggle of currents in the Soviet fine arts of 1917–1941]. St. Petersburg: Avrora.
4. Yankovskaya, G.A. (2007) *Iskusstvo, den'gi i politika: khudozhnik v gody pozdnego stalinizma* [Art, Money and Politics: An Artist in the Years of Late Stalinism]. Perm: Perm State University.

5. Turlybekova, A.M. (2014) *Iskusstvo Kazakhstana v 20–80-e gg. XX veka: istoki i tendentsii razvitiya* [Art of Kazakhstan in the 1920s–1980s: origins and development trends]. Pavlodar: Innovative University of Eurasia.
6. Zhumadil, A.K. (2019) *Kul'turnye protsessy v Kazakhstane v 20–30-e gody XX veka: ucheb. posobie* [Cultural processes in Kazakhstan in the 1920–1930s: a textbook]. Almaty: Kazak universiteti.
7. Istoricheskie materialy [Historical Materials]. (2022) *Postanovlenie TsIK i SNK SSSR. Ob obrazovanii Vsesoyuznogo Komiteta po delam iskusstv pri SNK Soyuzu SSR ot 17 yanvarya 1936 g.* [Decree of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR. On the formation of the All-Union Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR of January 17, 1936]. [Online] Available from: <https://istmat.org/node/43496> (Accessed: 02.07.2022).
8. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 17.
9. Sarlybaeva, G.N. (2019) [Are the Muses silent when the cannons speak? The first museum of arts in Kazakhstan during the Great Patriotic War]. *Istoriya. Pamyat'. Lyudi* [History. Memory. People]. Conference Proceedings. Almaty. pp. 252–259. (In Russian).
10. Zal slavy Kazakhstana [Hall of Fame of Kazakhstan]. (2022) *Soyuz khudozhnikov Respubliki Kazakhstan* [Union of Artists of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: <http://zs.808.kz/?p=4478> (Accessed: 04.08.2022).
11. Otkrytyy spisok [Open List]. (2022) *Dzhankin Mukhamed'yar Murtazinovich (1893–1938)* [Mukhamedyar Murtazinovich Dzhankin (1893–1938)]. [Online] Available from: <https://ru.openlist.wiki/> (Accessed: 04.07.2022).
12. Amanzholova, D.A. (2016) Problemy formirovaniya sovetskoy etnobyurokratii v 1920-e gg. [Problems of the formation of the Soviet ethno-bureaucracy in the 1920s]. In: *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. Sbornik nauchnykh trudov* [Asian Russia: people and structures of the empire]. Collected Articles. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN. pp. 63–73.
13. Aymermakher, K. (ed.) (2004) *Institut upravleniya kul'turoy v period stanovleniya. 1917–1930-e gg. Partiynoye rukovodstvo; gosudarstvennyye organy upravleniya: Skhemy* [Institutions of cultural management in the period of formation. 1917–1930s Party leadership; government authorities: Schemes]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
14. Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR. (1941) Polozhenie o Komitete po delam iskusstv pri SNK SSSR [Regulations on the Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR]. In: *Spravochnik rukovodyashchikh materialov Komiteta po delam iskusstv pri SNK Soyuzu SSR* [Directory of Guidelines for the Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo. pp. 5–12.
15. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 30. List 5. File 113.
16. Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR. (1941) O sistematicheskoy nablyudenii za deyatelnost'yu mestnykh uchrezhdeniy iskusstv. Prikaz Komiteta po delam iskusstv pri SNK SSSR № 82 ot 19 fevralya 1941 g. [On the systematic monitoring of the activities of local art institutions. Order of the Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR No. 82 of February 19, 1941]. In: *Spravochnik rukovodyashchikh materialov Komiteta po delam iskusstv pri SNK Soyuzu SSR* [Directory of Guidelines for the Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo. p. 110.
17. Krouford, M.D. (2018) Legislative Acts of the Soviet State as a Source of Study of Museum Management. *Vestnik Tomskogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 29. pp. 226–233. (In Russian).
18. Kaulen, M.E. (ed.) (2003) *Muzeynoye delo Rossii* [Museum business in Russia]. Moscow: Izd-vo "VK".
19. Luppola, I.K. (ed.) (1931) Printsipy ekspozitsii v khudozhestvennykh muzeyakh [Principles of exposition in art museums]. In: *Trudy Pervogo Vserossiyskogo muzeynogo s"ezda* [Proceedings of the First All-Russian Museum Congress]. Moscow; Leningrad: Narkompros RSFSR. pp. 126–130.
20. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1736. List 1. File 14.
21. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 40.
22. Shkol'naya, I.A. (2011) K istorii formirovaniya muzeynogo fonda (Osnovnye formy komplektovaniya kollektsii GMI RK im. A. Kasteeva i istochniki postupleniy po arkhivnym dokumentam otdela fondov 1935–2009) [On the history of the formation of the museum fund (The main forms of acquisition of the collection of the Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan and sources of income from archival documents of the department of funds, 1935–2009)]. In: *Trudy GMI RK im. A. Kasteeva: sb. nauch. st.* [Proceedings of the Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan]. Vol. 1. Almaty: Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan. pp. 115–132.
23. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 33.
24. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 28.
25. Brusilovskiy, E.G. (2001) O roli Mirzoyana v razvitiy kul'tury Kazakhstana [On the role of Mirzoyan in the development of the culture of Kazakhstan]. In: *Levon Mirzoyan v Kazakhstane. Sbornik dokumentov i materialov (1933–1938)* [Levon Mirzoyan in Kazakhstan. Collection of documents and materials (1933–1938)]. Almaty: Kazakstan. pp. 272–276.

Информация об авторе:

Рахматулина Е.Ю. – канд. ист. наук, зам. директора Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: kalina200778@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.Yu. Rahmatulina, Cand. Sci. (History), deputy director, East Kazakhstan Regional Architectural, Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan). E-mail: kalina200778@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.